

Ernest Hemingway

ЭРНЕСТ ХЕМИНГУЭЙ

ОСТРОВА И МОРЕ

Издательство АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Х37

Серия «По ком звонят колокола»

Ernest Hemingway
ISLANDS IN THE STREAM

Перевод с английского *В. Бернацкой*
Серийное оформление *Е. Фerez*
Художник *А. Гайворонская*

Печатается с разрешения Hemingway Foreign Rights Trust
и литературного агентства Nova Littera.

Хемингуэй, Эрнест.
Х37 Острова и море : [роман] / Эрнест Хемингуэй ; [пер.
с англ. В. И. Бернацкой]. — Москва : Издательство АСТ,
2016. — 448 с. — (По ком звонят колокола).

ISBN 978-5-17-094969-4

«Острова и море». Искренняя и правдивая история жизни и гибели меланхоличного отшельника, художника-мариниста Томаса Хадсона и его сыновей. Роман об одиночестве и отчаянии, самоотверженности и отваге, поиске выхода из тупика и нравственном долге перед собой и окружающими.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Hemingway Foreign Rights Trust, 1970
© Перевод. В. Бернацкая, 2016
ISBN 978-5-17-094969-4 © Издание на русском языке AST Publishers, 2016

Часть первая

БИМИНИ

1

Дом был построен на вершине узкой косы между гаванью и открытым морем. Сколоченный крепко, как корабль, он выдержал три урагана. Высокие кокосовые пальмы, искривленные регулярно дующими пассатами, дарили благодатную тень, а от двери, выходящей на океан, крутой спуск вел к песчаному берегу, омываемому Гольфстримом. Когда не было ветра, вода здесь казалась совсем синей. Но стоило ступить в нее, как от россыпи белевшего под ногами песка она становилась зеленой, и тень от большой рыбы можно было видеть задолго до того, как она приближалась.

Здесь было приятно и безопасно купаться днем, но только не ночью. Тогда к берегу подплывали на охоту акулы, и тихими ночами с балкона можно было слышать шум бьющейся в агонии рыбы, а спустившись на берег, увидеть на воде фосфоресцирующие отблески битвы. Ночью акулы не ведали страха, и все живое трепетало перед ними. Но днем они держались далеко от белого песчаного пляжа, и лишь изредка на приличном расстоянии можно было различить их неясные силуэты.

В доме жил Томас Хадсон. Он был хороший художник и большую часть года работал здесь, на острове. Когда достаточно долго живешь в этих широтах, смена времен года становится не менее важной, чем в других местах, и любимшему остров Хадсону не хотелось пропускать на нем ни весну, ни лето, ни осень или зиму.

Иногда лето бывало слишком жарким, это случалось, когда август стоял безветренным или когда в июне или ию-

ле ослабевали пассаты. Ураганы могли нагрянуть в сентябре, октябре или даже в начале ноября, а шальной тропический шторм — в любое время начиная с июня. Но и в сезон ураганов были дни, когда погода стояла отличная.

За много лет Томас Хадсон достаточно изучил тропическую погоду и мог задолго до предостережений барометра по одному взгляду на небо определить, стоит ли ожидать надвигающуюся бурю. Он знал, как определить характер урагана и какие меры предосторожности надо принимать. Он также знал, что значит пережить ураган вместе с другими жителями острова и как сильно сближает людей разгул стихии. И еще он знал, что бывают ураганы такой силы, в которых ничто не может уцелеть. И если на его веку будет такой ураган, думал он, хорошо бы находиться здесь и погибнуть вместе с домом.

Сам дом походил на корабль. Построенный так, чтобы противостоять бурям, он словно сросся с островом, став с ним одним целым; все его окна выходили на океан, в доме всегда гулял ветерок, и даже в самые жаркие ночи здесь отлично спалось. Чтобы прохлада дольше сохранялась, дом выкрасили в белый цвет, и в летние дни он был хорошо виден издали с моря. Дом возвышался надо всем, если не считать ряда казуарин — эти высокие темные деревья первыми замечаешь, приближаясь к острову. Но потом сразу обращаешь внимание на белый массив дома. А по мере приближения к берегу видишь уже весь остров с кокосовыми пальмами, дощатыми домиками, белой береговой линией и густо поросшей зеленью южной частью. Не было ни одного случая, чтобы Томас Хадсон не испытал счастья при взгляде издали на этот дом. Он привык думать о нем в женском роде, словно тот был теплым лоном, так английские моряки говорят о корабле*. Зимой, когда дули северные ветры и становилось по-настоящему холодно, в доме было тепло и уютно, потому что в нем имелся камин — единственный на острове. Большой, открытый камин — Хадсон топил его выброшенным на берег плавником.

* Английское «ship» (корабль) — «она», то есть женского рода.

У южной стены дома он сложил целую кучу плавника. Некоторые из выбеленных солнцем и отшлифованных ветром и песком разномастных кусков дерева так ему нравились, что он с трудом бросал их в огонь. Впрочем, после шторма на берегу оставалось так много этого добра, что со временем Хадсон привык получать удовольствие, сжигая даже любимые куски. Он знал, что море создаст еще, и холодными вечерами сидел в большом кресле у камина и читал при свете лампы, стоявшей на грубо сколоченном столе, временами отрываясь от чтения, чтобы прислушаться к вою ветра за окном, грозному шуму морского прибоя и посмотреть, как сгорают в огне крупные белесые поленья.

Иногда Хадсон гасил лампу, ложился на ковер и следил за цветовыми переливами в тех местах, где сгорали морская соль и песок, пропитавшие дрова. Он лежал на полу, его глаза были вровень с очагом, и когда он видел, как пламя отпускает дерево, ему становилось и грустно, и радостно. Горящее дерево всегда вызывало в нем такие чувства. Но когда горел плавник, у него все в душе переворачивалось. Хадсон думал, что, наверное, нельзя сжигать то, что слишком нравится, но вины при этом не испытывал.

Лежа на полу, он чувствовал себя неуязвимым для ветра, хотя тот разгуливал в нижних углах дома, гнул островную траву, разметывал морские водоросли и взрыхлял песок. Пол дрожал от ударов прибоя, и Хадсон вспоминал, как давно, еще в молодости, вот так же дрожала под ним земля от залпов тяжелых орудий.

Зимой камин был незаменим, и в остальные месяцы Хадсон, зная, как тот пригодится в холодную погоду, любовно поглядывал на него. Зима была здесь лучшим временем года, и каждый раз он с нетерпением дожидался ее прихода.

2

Прошла зима, и уже подходила к концу весна, когда сыновья Томаса Хадсона приехали в этом году на остров. По уговору все трое должны были встретиться в Нью-Йорке,

там сесть на поезд и уже из Мейнленда лететь к отцу. Но, как обычно, возникли сложности с матерью двоих младших. Ничего не говоря их отцу, она запланировала поездку в Европу, где намеревалась провести с мальчиками все лето. Отцу она оставила рождественские каникулы — после Рождества, разумеется. Само Рождество они должны провести с ней.

Томас Хадсон уже привык к этим капризам, и дело в конце концов кончилось компромиссом. Было решено, что мальчики приедут на остров и проведут с отцом пять недель, а потом вернутся в Нью-Йорк и оттуда на французском лайнере поплывут в Париж по студенческому тарифу. Там их встретит мать, которая к тому времени купит кое-что из необходимой одежды. В плавании их будет опекать старший брат Том-младший. В дальнейшем Том присоединится к *своей* матери, снимавшейся на юге Франции.

Мать Тома-младшего не требовала сына к себе и с удовольствием отпустила бы его к отцу на все лето. Но сыну она обрадуется, и так будет достигнут разумный компромисс, принимая во внимание неуступчивость другой матери. Эта прелестная, очаровательная женщина отличалась тем, что никогда не меняла своих планов, держала их в секрете, как настоящий генерал, и последовательно проводила в жизнь. Компромисса еще можно было добиться. Но кардинальных изменений — никогда, независимо от того, пришел ли план ей в голову бессонной ночью, или пасмурным утром, или вечером за стаканчиком джина.

Но план планом, а договор договором, и Томас Хадсон, зная это и пройдя хорошую школу бракоразводного процесса, радовался, что согласие достигнуто и дети останутся с ним на пять недель. Если в нашем распоряжении всего пять недель, думал он, надо использовать их по полной программе. Пять недель — не так уж мало, если можешь провести его с теми, кого любишь и с кем хотел бы никогда не расставаться. А зачем я вообще ушел от матери Тома? Лучше не думать об этом, сказал он себе. Об этом лучше никогда не задумываться. Та, вторая, родила тебе славных мальчишек. Очень необычных, сложных, но ты знаешь, как много хоро-

шего они унаследовали от нее. Она замечательная женщина, и с ней тебе тоже не стоило расставаться. Но сразу поправился: нет, стоило.

Впрочем, это не очень его беспокоило. Он давно уже перестал по этому поводу волноваться и, насколько возможно, изгнал из себя чувство вины работой. Все, о чем он сейчас думал: вот приедут мальчишки и надо сделать так, чтобы они хорошо провели лето. А когда они уедут, можно будет вернуться к своей работе.

Ради работы и той сложившейся размеренной трудовой жизни на острове он был готов отказаться почти от всего, кроме встреч с детьми. Хадсон верил, что на острове ему удалось обрести нечто непреходящее, что будет всегда удерживать его здесь. Теперь, когда он тосковал по Парижу, то не мчался туда, а просто вспоминал. Это относилось и к остальной Европе, а также к некоторым местам в Азии и Африке.

Он вспоминал слова Ренуара, когда тому сообщили, что Гоген уехал на Таити, чтобы рисовать: «Зачем тратить кучу денег и ехать на край света, когда так хорошо рисуется здесь, в Батильоне?» По-французски это звучало лучше: «*quand on peint si bien aux Batignolles*», и Томас Хадсон думал об острове как о своем *quartier**. Здесь он жил постоянно, знал всех соседей и работал так же усердно, как в Париже, когда Том-младший был еще малышом.

Иногда он покидал остров, чтобы порыбачить у берегов Кубы или съездить осенью в горы. А свое ранчо в Монтане он сдал в аренду, ведь лучше всего там было летом или осенью, а к осени мальчишки теперь возвращались в школу.

Время от времени ему приходилось ездить в Нью-Йорк, чтобы повидаться со своим агентом. Но теперь агент все чаще сам приезжал к нему и увозил на север картины. Как художник, Хадсон приобрел широкую известность и в Европе, и на родине. Кроме того, он получал регулярный доход от нефтеносного участка на земле, которая в прошлом принадлежала его деду. В те годы там было пастбище, но при его продаже было оговорено, что право эксплуатации недр сохраняется за прежним владельцем. Половина от нефтяных

* квартал, квартира (фр.)

поступлений уходила на алименты, а оставшиеся деньги давали возможность не думать о хлебе насущном и рисовать так, как ему хотелось, не испытывая коммерческого давления. Он мог также жить где пожелает и путешествовать, куда душе угодно.

Он был удачлив во всем, кроме семейной жизни, хотя за удачей никогда не гонялся. Работа и дети — вот то, чем он дорожил, и еще он продолжал любить ту первую женщину, в которую когда-то влюбился. С тех пор он был влюблен еще не раз, некоторые женщины даже гостили на острове. У него была потребность видеть женщин, и каждый раз какое-то время он наслаждался их обществом. Но как бы сильно они ни нравились ему, при их отъезде он всегда испытывал облегчение. За последние годы он приучил себя не ссориться с женщинами и не жениться на них. Научиться этому оказалось не легче, чем упорядочить жизнь и приучить себя к упорному и организованному труду. Но ему удалось и то и другое, и, как он надеялся, теперь навсегда. Рисовать он научился давно и верил, что наращивает мастерство с каждым годом. Но вот осесть на одном месте и приучить себя к порядку оказалось самым трудным — раньше ему не доставало дисциплины. Безответственным он никогда не был, но расхлябанности, эгоцентризма и жесткости в нем хватало. Теперь это открылось — и не только потому, что многие женщины говорили ему об этом раньше, нет, он сам к этому пришел. Хадсон принял решение, что отныне он будет эгоцентричен только в творчестве, будет жестко судить только свою работу, будет дисциплинировать себя и строго придерживаться этой дисциплины.

В пределах, допускаемых установленной дисциплиной и упорным трудом, Хадсон вовсе не собирался лишаться радостей жизни. Сегодня он был абсолютно счастлив — ведь утром приезжали сыновья.

— Вам ничего не нужно, мистер Том? — спросил слуга Джозеф. — Вы ведь сегодня уже закончили работу?

Джозеф был высоким парнем с длинным, очень черным лицом, большими руками и ногами. Он ходил в белой куртке, белых штанах, но босиком.

— Спасибо, Джозеф. Пожалуй, ничего не надо.

— Может, немного джина с тоником?

— Нет. Лучше спущусь вниз и пропущу стаканчик у мистера Бобби.

— Выпейте лучше дома. Дешевле выйдет. Когда я видел мистера Бобби, он был в плохом настроении. Говорит, его замучили коктейлями. Кто-то с яхты попросил «Белую Леди»*, а он послал к столу бутылку американской минералки — той, где дама сидит у ручья, вроде как в платье из mosquito netки.

— Нет, я все-таки пойду.

— Давайте сначала смешаю одну порцию дома. С катера доставили почту. Почитаете письма, выпьете коктейль, а потом уж пойдете к мистеру Бобби.

— Ладно.

— Вот и хорошо, — сказал Бобби. — Потому что я его уже приготовил. Писем сегодня не так и много, мистер Том.

— А где они?

— Внизу, на кухне. Сейчас принесу. Два письма с женским почерком. Одно — из Нью-Йорка, другое — из Палм-Бич. Красивый почерк. Одно от джентльмена, который продает в Нью-Йорке ваши картины. Два — непонятно от кого.

— Хочешь ответить за меня?

— Да, сэр. Если желаете. Ведь я кое-чему выучился, хотя денег на учебу было маловато.

— Лучше принеси их сюда.

— Хорошо, мистер Том. Там и газета есть.

— Ее прочитаю за завтраком.

Томас Хадсон сидел, просматривал почту и потягивал прохладный коктейль. Одно письмо он прочел дважды, а потом положил их все в ящик стола.

— Джозеф! — позвал он. — К приезду мальчиков все готово?

— Да, сэр. Даже два лишних ящика кока-колы. Том-младший, верно, уж перерос меня?

— Еще нет.

— Как думаете, теперь он меня поборет?

* Коктейль из джина, апельсинового ликера и лимонного сока.

— Не уверен.

— Частенько мы с ним мерились силой, — сказал Джозеф. — Странно даже называть его «мистер». Мистер Том, мистер Дэвид и мистер Эндрю. Все трое как на подбор отличные ребята. А мистер Эндрю самый смекалистый.

— Таким уж родился, — сказал Томас Хадсон.

— Да и когда подросток, хитрецом остался, — восхищенно произнес Джозеф.

— Ты им будь хорошим примером.

— Вы не можете требовать от меня этого, мистер Том. Еще три-четыре года назад, пожалуй, мог бы. Теперь, скорее, я буду равняться на Тома. Он учится в дорогушей школе, и манеры у него как у настоящего джентльмена. Мне так никогда не выгладеть. Но вот держаться как он — свободно, естественно и в то же время вежливо — постараюсь научиться. А умом попробую походить на Дэйва. Это трудней всего. И еще хотелось бы набраться смекалки у Энди.

— Только не вздумай потом хитрить здесь.

— Нет, мистер Том, вы меня не так поняли. Хитрить мне на работе ни к чему. Смекалка пригодится в личной жизни.

— А хорошо, что они приедут, правда?

— Мистер Том, такого важного события не было со времен большого пожара. Я могу его сравнить разве что со Вторым пришествием. Вы спрашиваете: хорошо ли? Просто чудесно, сэр.

— Надо придумать для них интересные развлечения — чтоб было веселей.

— Нет, мистер Том, — сказал Джозеф. — Скорее, надо раскинуть мозгами, как уберечь ребят от их собственных опасных затей. Эдди нам поможет. Он знает их лучше, чем я. А я им друг, и это вносит сложности.

— Как дела у Эдди?

— Он тут немного выпил по случаю дня рождения королевы, но сейчас в отличной форме.

— Пойду, пожалуй, к мистеру Бобби, надо поднять ему настроение.

— Он спрашивал о вас, мистер Том. Мистер Бобби — истинный джентльмен, а эти придурки с яхт иногда здо-

рово портят ему настроение. Я оставил его в плохом состоянии.

— А ты что там делал?

— Пошел за кока-колой, а потом немного размялся за бильярдным столом.

— Стол все такой же?

— Еще хуже стал.

— Пойду, — сказал Томас Хадсон. — Только сперва приму душ и переоденусь.

— Все чистое лежит на кровати, — предупредил Джо-зеф. — Хотите еще джинну с тоником?

— Нет, спасибо.

— Мистер Роджер приехал.

— Отлично. Обязательно его разыщу.

— Он остановится у нас?

— Возможно.

— На всякий случай приготовлю ему постель.

— Вот и хорошо.

3

Томас Хадсон принял душ, намылил голову и долго стоял под сильной, режущей струей воды. Он был крупным мужчиной и голый казался даже крупнее, чем в одежде. Кожа его потемнела на солнце, а волосы выгорели прядями. И ни грамма лишнего веса — весы показали 192 фунта.

Надо было сначала поплавать, а потом принять душ, подумал он. Но перед работой я уже сделал большой заплыв и сейчас немного устал. Еще наплаваюсь, когда приедут мальчики. И Роджер здесь. Вот и славно.

Хадсон надел свежие шорты, выгоревшую тенниску, мокасины и, покинув дом, спустился по склону к калитке в чаштоколе и вышел на залитый солнцем, выбеленный его лучами коралловый известняк Королевского шоссе.

С крыльца дощатой хижины в тени кокосовых пальм, таких хижин еще много стояло вдоль дороги, вышел старик негр с очень прямой спиной в черной шерстяной рубашке и выглаженных темных брюках, он прежде Хадсона свернул

на шоссе. Когда он повернулся, Томас Хадсон увидел его красивое черное лицо.

Из-за хижины донесся детский голосок, распевавший шутливый стишок на старую английскую мелодию:

Дядя Эдвард был в Нассау,
Леденцы привез оттуда.
Я купил, и друг купил,
И было нам ох как худо...

Дядя Эдвард обернулся, и в ярком свете дня его красивое лицо было печальным и рассерженным.

— Я тебя знаю, — крикнул он. — Не вижу, но знаю, кто ты такой. Вот пожалуюсь на тебя констеблю.

А мальчишка выводил чистым, веселым голоском:

Ох, Эдвард,
Ох, Эдвард,
Ну и плут ты, дядя Эдвард!
И конфеты твои — дрянь!

— Вот расскажу все констеблю, — пригрозил дядя Эдвард. — Уж он тебе выплет.

— Как, дядя Эдвард, сегодня опять накормишь нас дрянными конфетами? — продолжал мальчишка. Он предусмотрительно прятался от старика.

— Человека преследуют, — громко объявил дядя Эдвард, продолжая идти. — Срывают с него покровы достоинства и растаптывают. Господи, прости их, ибо не ведают, что творят.

Впереди на Королевском шоссе из окон над баром «Понсе-де-Леон» тоже неслось пение. Хадсона догнал негритянский юноша.

— Там заварушка, мистер Том, — сказал он. — Или что-то вроде того. Господин, приплывший на яхте, выбрасывает из окна вещи.

— Какие еще вещи, Луис?

— Всякие, мистер Том. Все, что под руку попадет. Ле-ди пыталась его остановить, но он пригрозил и ее выбросить.

— Откуда взялся этот господин?

— С севера — богач какой-то. Божится, что может купить и продать наш остров. Пожалуй, правда купит — и за дешево, если продолжит расшвыривать все вокруг.

— А что констебль?

— Да ничего, мистер Том. Его пока не вызвали. Но собираются. Без него, видимо, не обойтись.

— Так ты сейчас занят, Луис? А как насчет наживки на завтра?

— Я все заготовлю, мистер Том. Не беспокойтесь. Будет наживка. С теми, с яхты, я вроде как работаю. Меня наняли на утреннюю рыбную ловлю, с тех пор я при них. Но никакой рыбной ловли нет и не было. Так вот, сэр. Он только швырял тарелки, чашки, кружки, стулья, а когда мистер Бобби приносил ему счет, он этот счет рвал и кричал, что мистер Бобби ворюга и негодяй и ни черта не смыслит в рыбной ловле.

— Похоже, тебе попался трудный господин, Луис.

— Мистер Том, да хуже него я никого не видел. Он еще и петь меня заставил. Вы знаете, я пою, как умею, — не так хорошо, как Джози, но иногда у меня выходит лучше обычного. Словом, пою, как могу. Сами знаете. Вы меня слышали. Но он хочет слушать только одну песню — про маму, которая не желает ни гороха, ни риса, ни кокосового масла. И так раз за разом. Это старая песня, мне надоело ее петь, я и говорю: «Сэр, я знаю новые песни — хорошие песни, замечательные. Знаю и старые — например, о гибели Джона Джейкоба Астора на «Титанике», когда корабль столкнулся с айсбергом, и, если пожелаете, могу их спеть вместо песни о горохе и рисе». Все это я произнес очень вежливо, вы же меня знаете. А этот господин в ответ: «Слушай, ты, черномазое отродье, у меня магазинов, фабрик и газет больше, чем у твоего Джона Джейкоба Астора ночных горшков, и если станешь указывать, что мне слушать, я уж как-нибудь засуну твою пустую голову в один из таких горшков». Тут за меня вступилась его жена: «Дорогой, ну что ты пристал к нему? Он хорошо поет, и я с удовольствием послушаю какие-нибудь новые песенки». А он как рявкнет: «Послушай, ты! Ни он не будет их петь, ни ты не будешь их слушать!» Станный